Пріятели.

(Картинка.)

Весеннее утро въ деревнѣ. Весело поднимается яркогненное солнце и, озолотивъ окрестность, льется теплыми лучами на влажную, едва зеленѣющую землю.

У параднаго крыльца усадебнаго дома, на сухомъ пригоркѣ, растянувшись бокомъ, лежитъ и грѣется на солнышкѣ большой кудластый черный дворовый песъ „Валетъ“. Мирно и покойно онъ нѣжится; изрѣдка приподыметъ свою грузную косматую голову, чуть переведетъ полустоячими ушами, прищуритъ глаза и снова хлопнется о землю.

Вотъ изъ-за угла высунулась морда подозрительно оглядывавшагося гончаго „Соловья“ и онъ, примѣтивъ растянувшагося Валета, весело подскочилъ къ нему и, заискивающе виляя приподнятымъ гономъ, остановился.

Валетъ лѣниво поднялъ голову.

— Фу, дьяволъ, спужалъ было меня!—чуть оскаливъ сверкающіе зубы, проворчалъ Валетъ и попрежнему опустился головой, довольно привѣтливо при этомъ дважды шевельнувъ своимъ косматымъ крючкомъ.

Соловей ласково ткнулъ его мордой подъ хвостъ.

— Ты што тамъ ищешь?—нехотя проворчалъ Валетъ, поворачиваясь оскаленной пастью.

— Такъ себѣ... Провѣдать пришелъ... Скучно, Валетъ!

— А какъ же это тебѣ, братецъ, улизнуть-то вдалось съ твово номастыря?

— Со псарки-то?... Гм...—оскалился Соловей и зави-

лялъ гономъ.—На волю, братъ, всякому хочется... А въ лѣсъ,—ай-ай,—какъ тянетъ!

— Ужъ въ лѣсъ ли тебя тянетъ?! А самъ зачѣмъ отъ куфни лупишь,—куфарку, что ли, провѣдывалъ?...

— Нѣтъ, такъ себѣ... Не знаешь, Валетъ, что несла сейчасъ старуха съ ледника: телятину, что-ль, аль такъ запахло?...

— А въ тебя, што-жъ, заныло отъ эфтого?

— Нѣтъ, просто интересно знать...

— Чаво-жъ тутъ антиреснаго! Все, значитъ, хозяйственно, какъ слѣдоваетъ быть...

— И гдѣ это, братецъ ты мой, куры подѣвались?— какъ бы въ раздумьи пискливо пробормоталъ почесывавшійся Соловей.—Брожу цѣлое утро, а нигдѣ ихъ не видалъ, точно подохли!..

— А ты што-жъ, пощупать, дескать, хочешь: не съ яйцомъ ли иная,—ась?—прищурился Валетъ.

— Нѣтъ, просто поглядѣть любопытно...

— Что и толковать! Шалишь, братъ: рыло-то и посичасъ въ пуху!.. Небось, спина-то все почесывается съ тѣхъ поръ, какъ, надысь, у Дарьи пѣтуха слопалъ?!.

— Да... было дѣло!—и Соловей сладко потянулся, смущенно хлопая ушами.—Во, погляди: плетется сюда къ намъ горбачъ!—обернулся онъ мордой навстрѣчу показавшейся собаки.

Валетъ приподнялъ голову и увидѣлъ трускомъ приближающагося къ нимъ псоваго „Поражая“; его острая морда была понурена; правило чуть не тащилось по землѣ, а круто выгнутая спина выступала горбомъ.

— Жалуй, жалуй! — привѣтствуя, оскалилъ ему зубы Валетъ.

Поражай, не обращая на него вниманія, подошелъ къ Соловью и они коснулись мордами.

— Ну, что... какъ у васъ тамъ... бабенки здоровы-ль твои?—спросилъ его Соловей.

— Ничего себѣ... тянется жизнь. А ты?..

— И не спрашивай, братъ,—скучно! Погонять до смерти хочется... въ лѣсъ такъ и тянетъ. Вся наша артель

томится... Нынче протестъ сдѣлали: такую, братъ, демонстрацію состроили, что чертямъ тошно... взвыли, хоть святыхъ выноси!... Ничто Канарейка съ Шумилой галдѣли!... Да Ѳедька скоро прибѣгъ, усмирилъ... Вѣдь каждое утро все ждемъ, вотъ-вотъ, думаемъ, на проминажъ поведутъ...

— Ишь, чаво захотѣлъ!... Постой, вотъ Ѳедька придетъ съ арапникомъ, онъ-тѣ бока-то напроминажитъ! Небось, ищутъ тебя?—ворчалъ Валетъ, почесывая за ухомъ.

Гдѣ-то скрипнула дверь. Соловей подозрительно оглянулся по сторонамъ.

— Ну, а ты чего валяешься?—прильнулъ Поражай надъ самымъ ухомъ Валета.

— Чу, отвяжись!—сердито сморщился Валетъ.

— Вставай, потолкуемъ! Ну, какой теперь сонъ? На это ночь есть! присталъ къ нему и Соловей.

— Ты ночью дрыхнулъ, а я, братъ, глазъ не смыкалъ...

И Валетъ продолжалъ попрежнему вытягиваться. Подсѣлъ и Поражай.

Въ глубинѣ крыльца снова щелкнула и заскрипѣла дверь. Соловей насторожился, но взглянулъ на крыльцо и разомъ улыбнулся, ласково виляя гономъ и спуская собранныя кверху уши. Предъ нимъ на площадкѣ крыльца неподвижно замеръ выскочившій желтопѣгій пойнтеръ „Бой“. Раздувая ноздри, и натягивая прутъ, онъ уставился глазами въ „публику“.

— Наше вамъ!—нарушилъ его удивленіе Соловей, подвигаясь и играя гономъ.

— Вы чего тутъ, ребята, собрались?—сурово кинулъ имъ Бой, важно ступая съ крыльца.

— Весьма рады васъ видѣть!—встрѣтилъ Соловей степенно направляющагося къ нему Боя и игриво припалъ къ землѣ.

— Бой поднялъ высоко голову, изогнулъ свою элегантную шею, собралъ къ верху уши и, виляя туго натянутымъ прутомъ, козыремъ началъ обходить и обнюхивать его со всѣхъ сторонъ.

— Давно, братъ, я тебя не видѣлъ...

— Точно, давненько-сь! подпрыгивая пискнулъ Соловей.

Валетъ разомъ поднялся.

— Здорово, ваша блародіе!—искоса метнулъ онъ въ сторону Боя оскаленную морду и, круто закинувъ на спину косматое колесо своего хвоста, медленно, чуть замѣтно тронулся съ мѣста.

— Здравствуй!—небрежно кинулъ ему Бой, отдавая все вниманіе Соловью.

Поражай тотчасъ обнюхалъ только-что покинутую пригрѣтую лежку Валета и протянулся животомъ, припавъ обращенной въ сторону Боя головой на вытянутыя переднія лапы.

Валетъ отойдя немного поодаль, присѣлъ, зѣвая. Бой на приличномъ разстояніи подвинулся къ нему.

— Сколько разъ я уже говорилъ, что тебѣ нечего тутъ дѣлать!—строго замѣтилъ онъ Валету.

— Да вѣдь я не на твоей постели лежу!—проворчалъ Валетъ.

— Это все равно!—и Бой, угломъ поставивши уши, приблизился къ нему, на ходу выговаривая...

Валетъ всталъ; онъ судорожно сгибалъ хвостъ, дѣлалъ медленные круги возлѣ Боя, косился и ворчалъ:

—.Скажемъ, къ примѣру, хоша и барской крови ты, и ученый господинъ, а чистая ты собака, право!... Кажинный разъ пристаешь. Вѣдь доведешь до грѣха... Я и то наровлю отойтить малость подале!

— Ну, ты, разговаривай еще у меня, мужицкая рожа!—гордо поднявъ голову и сверкая глазами, ворчалъ на него Бой.

— А ты чего же уходишь... вѣрно струсилъ?—вставилъ Соловей, ехидно поглядѣвъ на Валета.

— Хоша и не боязно, а все быдто неспособно. Мало-ль что произойтить могитъ... Вѣдь енъ, што баринъ. Наровишь отъ него подале... Надысь тожъ присталъ самъ ко мнѣ: того и гляди, што хватитъ за грудки...

— Ну, а ты?—взвизгнулъ Соловей.

— Ну, я маненечка, значитъ, и отстрани егго, да, знать, съ горячки испакостилъ ему манишку... Оно, конешно, ловокъ и онъ, и лихъ гораздно,—ништо въ драки

способенъ!... Знамо дѣло, харчи не нашенскіе: вишь какъ лоснится съ жиру-отъ!... А тольки мнѣ вредности отъ евоной силы нѣтути никакой...

— Замолчи, свинопасъ!—прохрипѣлъ Бой.

— Хоша и свинопасъ,—во, возьми, самъ себѣ господинъ, потому слободенъ!... Гдѣ вздумается, тамъ съ „Сѣркой“ своей и ходимъ, а въ тебя што ни шагъ сичасъ начальство: „Бой, еси, дескать, сюды!“

— А на цѣпи у амбаровъ кто всю осень просидѣлъ?

— Тыкъ што-жъ што просидѣлъ... Надобность была, тыкъ и сидѣлъ, потому хозяйственное.. Эфто, ваша бародіе, не у печки колотиться, зубами съ холоду-то ляская... Наша шуба ничаво себѣ: запахнуться есть чѣмъ.

— Молчать, говорятъ тебѣ! проревѣлъ Бой и щелкнулъ надъ самымъ его ухомъ зубами.

— Слышь, отойди лучше отъ грѣха!—огрызнулся Валетъ.

— Оставьте! Отойдите отъ него... Дипломатъ-то вашъ дѣйствительно, можно сказать, только самый лѣтній!—усмѣхнулся Соловей, оглядывая Боя.

— Разумѣется, лучше отстать,—проворчалъ Бой,—не хочу только безпокоить „самого“, нарушать обѣщаніе, связанъ словомъ... О, еслибъ мнѣ свобода, я-бъ этому чучелу...

— У васъ, г. Бой, вообще свободы мало!—перебилъ его Соловей.—Не то, что у меня: мнѣ стоитъ только вырваться, подыму звѣря, а затѣмъ—до свиданія! Потѣшайся вволю!... А ваше дѣло иное: подвелъ и стопъ.

— Ну, не скажи! Подведу дѣйствительно, хоть руками бери птицу, но... частенько бываетъ—„самъ“ промажетъ, а и у меня сердце не камень: не могу сдержаться, сряду махну за птицей, а „онъ“ за мной... вволю тѣшимся оба!...

— Ну?—удивился Поражай. Неужто „онъ“ поспѣваетъ за тобой пѣшій?.. За мной—такъ на лошади не поспѣть!

— О, нѣтъ, гдѣ же!.. „Онъ“ самъ по себѣ, а я тоже въ свое удовольствіе...

— Ну, а потомъ, когда вернетесь?—лукаво прищурился Соловей.

— Потомъ?... Потомъ—все то же самое... идемъ далѣе...

— А какъ же,—вмѣшался Валетъ,—мнѣ сказывала „Сѣрка“, она въ тѣ поры у поле была съ животиной, такъ сама глазами видѣла, какъ ты эфто, ваша блародіе, съ поджамшимъ хвостомъ возвратился, а тебѣ, значитъ, взбучка тогды какъ слѣдоваетъ полагается отразу...

— Это все зря... На охотѣ, братъ, многое случается!—вставилъ Соловей.—Мою младшую сестренку,—помнишь, Шнырку?—такъ въ прошедшемъ году убили зарядомъ...

— Ну... занарядъ и я разокъ видывалъ!—сказалъ Валетъ.

— А я такъ грѣшить не буду: меня не трогаютъ!—тихо вставилъ Поражай...

Вотъ выскочилъ вдругъ на крыльцо „Мопсикъ“, и не сходя съ мѣста, началъ ни съ того, ни съ сего горячо „лаяться“.

— Пожалте, пожалте, баярчукъ, въ нашу куипанію!—оскалился ему Валетъ.—Чаво-жъ, ваша стипенство, остановились? Жалуйте! Аль памятна вамъ наша рѣзкость? Въ такомъ разѣ азвините!

Соловей взвизгнулъ смѣхомъ и размахнулся было къ крыльцу, но Бой, грозно поднявши голову, загородилъ ему путь.

— Не смѣть туда! Выскочатъ слуги... вѣдь Мопсикъ сплетникъ!... Мнѣ и самому за него попадаетъ...

— Неча сказать, оба вы хороши! — проворчалъ Валетъ.—Изъ-за васъ пройтиться мимо дома нельзи...

— Эй, вы, долговязые черти, расходитесь, а не то доложу сейчасъ!—грозилъ съ крыльца Мопсикъ.

— Выдь сюды, сдѣлай милость выдь!—оскаливался надъ нимъ Валетъ.

— Не думай, не испугаюсь!—прихрабрился Мопсикъ и подвинулся на полъ-шага.

Поражай однимъ прыжкомъ былъ уже возлѣ него, поднялъ серпомъ правило и, обнюхивая Мопсика, склонился надъ нимъ, какъ надъ мышенкомъ.

— Ишь, какой богатырь!—шутливо визжалъ Поражай, подкинувъ подъ заднія ноги Мопсика своей тонкой мордой. Ну и сила же, братецъ, у тебя!.. А ну-ка, свезешь ли

меня, коли сяду верхомъ?—хихикнулъ Поражай и попробовалъ ужъ было сѣсть, но Мопсикъ вывернулся отъ него, вынырнувъ изъ подъ живота...

Соловей съ Валетомъ такъ и залились... Еще мигъ и уже всѣ они двинулись къ площадкѣ крыльца, но Мопсикъ разомъ повернулся къ нимъ своей туго скрученной спиралькой хвоста и шмыгнулъ въ двери...

— Куда же это Соловей дѣлся? — оглядываясь — хватился Бой...

За угломъ дома что-то грохнуло, гдѣ-то хлопнулась ударившись дверь.

— У, волкъ тебя зарѣжъ!—кричала на боковомъ крыльцѣ старуха, замахиваясь на выскочившаго изъ сѣней Соловья, который, воровски оглядываясь по сторонамъ, тащилъ что-то въ зубахъ...

— Вотъ онъ гдѣ, вотъ онъ!—крикнулъ съ арапникомъ въ рукахъ Ѳедька, выставляясь изъ-за угла конюшни.

Соловей подобралъ гонъ и заложился по направленію къ псаркѣ.

Смѣтившій, въ чемъ дѣло, Поражай пустился въ догонки Соловью. Ѳедька подошелъ вслѣдъ. Къ нему на ходу ласкался Валетъ.

— Хошь, такъ живо подмогну!—лизнулъ онъ Ѳедьку въ лицо, прыгая на грудь.

— Не надо, не смѣй!—пригрозилъ ему Ѳедька.

Валетъ отсталъ, поглядѣлъ всѣмъ вслѣдъ, лѣниво повернулъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и снова сладко растянулся подъ нѣжными лучами солнца.

В. Блинтеръ.